

Фаина Гримберг (Гаврилина)

ПОВЕСТЬ
О ВЕРНОМ ШКОЛЯРЕ
И ВОСТОЧНОЙ
КРАСАВИЦЕ

Фаина Ионтелевна Гримберг

Повесть о Верном Школяре и Восточной Красавице

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9543966

Повесть о верном школяре и восточной красавице: НЦ ЭНАС;

ISBN 978-5-91627-218-5

Аннотация

Книга стихов Фаины Гримберг (Гаврилиной) «Повесть о Верном Школяре и Восточной Красавице» представляет собой роман-эпопею, где интимная история семьи неотрывна от большой истории народов, стран, смены времен.

Текст публикуется в авторской редакции.

Содержание

Пролог	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	7
Глава первая	7
Глава вторая	15
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	19
Глава первая	19
Глава вторая	30
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	36
Глава первая	36
Глава вторая	38
Глава третья	43
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	46
Глава первая	46
Глава вторая	48
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Фаина Гримберг

Повесть о верном школяре и восточной красавице

... Кому какое дело до истории моего детства?..
Л.Т.

... А вы уверены, что такой человек существовал? Разве с вами не бывает так, что, поверив во что-то, вы полагаете это суицим, а на самом деле этого нигде нет? Так и ваша история...
ХИРАОКА КИМИТАКЭ

... Я пела песни о том, как любила...

Пьер Луис «Песни Билитис»

Пролог

ПЯТЬ ЛЕТ

«Новобранец», не помню какого французского автора.
Абрикосы, помытые тёплой стоялой водой.
Оцинкованной кружки блестящие ранки-царапины.
Шелковицей подпёрся

от жары задохнувшийся дом...

«Про чего?» – Про войну. Только старшего брата не слушаю.

Только чистых некрашенных досок светла нагота...

Почему-то я знаю, почему-то я знаю, что лучше мне

Почему-то не будет, не будет совсем никогда...

Жёсткий тюль занавески, высокой булавкой заколотый.

Чинит ходики дед. На обоях пятно-теремок.

Все события толстой, понятной всемирной истории

Умещаются в восемь спокойных, красивых томов.

Из прорехи матрасной лезет ваты зернистая кашлица.

Сладость липкого пальца, сладость липкого пальца во рту.

Почему-то, не знаю, почему-то, не знаю, мне кажется, —

Вот куда захочу... Вот сейчас, ... захочу и пойду...

«Про чего?» – Про войну. Только старшего брата не слушаю.

Только чистых некрашенных досок светла нагота...

Почему-то я знаю, почему-то я знаю, что лучше мне

Почему-то не будет, не будет совсем никогда.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДЕД

Глава первая

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Мерцает в зелени листвы сиянье тонких ос и мух.

Мой дед молчит,

и частица солнца в осколке стекла себя раздробила.

Восточный он король,

и полководец его

индийский петух...

Как в сказках Гауфа

или на той страничке, где принцесса Брамбилла...

Он обрубает ветви шелковицы,

и страшным блеском секиры вспыхивает его топор.

И солнце сламывается в его ноже домодельном, на лезвии гнутом.

И полководец его,

индийский петух

минует светлый двор

Блестящим в пестроте, воинственным раджпутот.

И утром, на жестком тюле низкой занавески у него над

головой,

Его советник, древний жук, огромный и усталый,
В пушисто отороченной раввинской шапке темно-
меховой,

Читает «Зохар» – книгу тайную Каббалы.

Придворные служители-цветы одеты в золото и атлас.

Они ждут приказаний своего короля и не обманываются
его одеждой

скромной.

Внезапный острый блеск невероятных глаз.

Темно его лицо коричневостью темной.

Он голову поднимет и распрямится,

и на несколько блистательных минут

Из-под косматых бровей повисших возникает взгляд его
тяжелый.

Глаза его так страшно и упоительно блеснут.

Глаза его, как сабли, так страшны и голы.

Он беден, у него на голове сплюснутая темная кепка,
и у него брюки старые – в дорожной пыли.

И он дыхание переводит, опираясь на мусорный ящик.

Но вот он опускает глаза,

и бусину перламутровую он видит, и поднимает для
меня

прямо с земли.

Богатство и власть у него,

как в сказках, у всех королей настоящих.

Ведь это Азия,

окраина,
свобода – улица глухая...
Со всех концов империи ссылают неугодных сюда.
И музыкой уличной все это связать бы...
Ведь это Азия с причудливостью смеха и стыда...
И вот звучание похорон или греческой свадьбы...
А когда он слышит музыку...
И вот наше с блестящим большим гвоздем крыльцо...
И оцинкованное ведро, поблескивающее серым боком...
Я до безумия тогда люблю его лицо,
Так искалеченное в его детстве далеком...
Тогда он светел весь и светом осиян.
Тогда он посвященный и хранитель звуков и тайной их
планеты...
Кричат литавры, и ладони бьют в турецкий барабан,
Открыто и отчаянно поют кларнеты...
В то утро поднимается рассветного солнца красный круг
И растворяется в сверкающие жаром переливы.
Мой дед молчит,
сжимает скрещенные пальцы смуглых рук.
И голову склоняет, снова молчаливый...
Его отец – ветвистый карагач,
и целый жаркий день
Всею силой темных мускулов, древесно слитой по
крупницам,
Дарует живое дерево приют и тень
Своим возлюбленным певцам – восточным птицам...
Прохлада утренняя перед жарой дневной,
и от песчинок прилипших

на ступнях босых – слабый зуд.
Он позволяет мне снимать сандалики,
и пальцам ног становится свежо и колко.
И маленькие горлицы округлые перекликаются,
друг дружку зовут,
И щелкает громким голосом невидимая перепелка...
А где-то далеко
всегда тепло.
И можно всегда ходить босиком.
И золотой мечети свет
летит на плоский светлый камень...
А здесь меня он кормит вкусным кислым молоком
И греет мягкими и крепкими тяжелыми руками...
Я никогда не понимала, что он уже очень стар.
И я не так, как надо, проводила его, когда пришло время
разлуки...
Я помню, как я с ним за руку ночью иду через базар,
А вода в канавах-арыках журчит,
И он спрашивает, слышу ли я эти стройные странно-
скромно-красивые
и свободные звуки...
А эти каменные прилавки черны,
и темная пустота.
И в темноте люди, темнó -видимые, играют в карты.
И ждешь от этих людей какого-нибудь очень страшного
поступка.
И это страшно всё и безысходно как-то.
И маленькая лампочка электрически горит,
как будто какая-то странная пустая и тонкая

скорлупка...

Только ему эти люди не страшны, и он никого не боится.
И мимо них проходит со мной.

И я с ним не боюсь. И черная летучая мышь или ночная
птица

Смелыми широкими кругами непонятно летит над
площадью базарной

ночной...

Вот он мгновенно склоняется и с каменного прилавка
что-то берет.

Это бутылка пустая. Одним ударом о камень темный он
отламывает бутылочное горлышко,
и края стеклянные рвутся и заостряются.

Он ударился костяшками пальцев о камень, я чувствую
по стуку.

Но боли не выдает,

напряженно сгибается вперед

И резко вскидывает согнутую в локте руку...

Он жертвой остаться никогда, ни за что не мог.

Все зацветает кровавым красно-арбузным цветом.

Я понимаю внезапно, будто озарение, и признаю
движения страшные сжатых кулаков
и отчаянных ног.

Мужское естество сверкает в этом...

И ночью однажды я, маленькая, просыпаюсь, и вижу свет
из кухни,

и тихо туда иду.

В тесной комнате дыхание теплое старшего брата...

Я тихо подхожу в короткой белой рубашке и босиком

и прижимаюсь к стене возле приоткрытой
двери...

Мой дед

Он, до пояса раздетый, смуглый и худой.

Женщина овладела им!

Бабушка моя властвует, словно колдунья из сказки,

она его схватила, и наклонила его над тазом с водой,
И моет ему голову мылом, а он всхлипывает, как
мальчик,

потому что мыло попадает в глаза и сильно горячая
вода...

И вот оно опять – мужское естество.

С такою кротостью и силой держит он буханку хлеба.

О, как я рвусь тогда боготворить его,

Как будто телом всем впиваю море или небо...

Я так люблю его!

Такие ласковые нежные теплые губы его огромного
искалеченного

рта...

Он вдруг распрямляется —

и похож со своей палкой на великого того пастуха
из древности,

шагающего горделиво за своей отарой.

Меня в моей любви остановить не может его хромота

И темнота его одежды грязной старой...

А в его страсти к любому звучанию музыкальных
инструментов —

такой таинственный и нежный пыл...

Вот он босой,
и ногти у него такие большие, страшные, кривые,
как будто сказочные когти,
а рядышком —
тихая запыленность его темных
стоптанных ботинок...
Защитник слабых он, бесстрашный он, всегда такой он
был...
И если бьют кого-то на улице,
он бросается защищать.
И уличную драку он преображает в поединок...
Я так люблю его...

Мы татары

Мы татары

Мы татары...

— Мы булгары с Волги...— он говорит внезапно...

И я снова маленькая девочка,
и поднимается рассветного солнца красный круг
И растворяется в сверкающие жаром переливы.
Мой дед молчит, молчит,
сжимает скрещенные пальцы смуглых рук.
И голову склоняет

снова молчаливый.

И мерцает в зелени листвы сиянье тонких ос и мух.

Мой дед молчит,

и частица солнца в осколке стекла себя раздробила.

Восточный он король,
и полководец его
индийский петух...

Как в сказках Гауфа

или на той страничке, где принцесса Брамбилла...

Глава вторая

ЯВЛЕНИЕ ТАНГРА, ДРЕВНЕГО ТЮРКСКОГО БОГА

Л. К.

Давно я не видела такого молодого лица.
Давно я не радовалась мальчишескому телу голому.
И не мёртвая шапка, а просто одна живая лиса
Обвивает эту черноволосую голову.
И выписаны тайно и размашисто
 следы птичьих когтей на шапочном ярлыке.
И метро переполняется нечеловечески-горловыми
птичьими голосами.
А эта лиса
всё время резко улыбается на своем родном языке,
И непонятно смотрит на меня своими глазами.
Как будто с киноэкрана,
когда высокое дерево зелёное вдруг прямо на людей
сидящих
всеми своими листьями порывается.
Квадратики зеленой куртки,
будто светлый живой атласистый, из книжных
фотографий оживший
камень малахит.

А юноша тоже
только глазами темными яркими радостно и глубоко
улыбается,
И дышит яблоковым своим живым лицом,
И молчит.
И пусть этой отчётливой переливчато-щелкающей
музыкой
Не поются приоткрытые большие нежные губы,
но зато
Радостное тело угадывается в слабой одежде узкой,
И свивает в сердце моём одно свое гнездо.
И зелёная куртка сияет, как будто листья древесные,
помытые дождем.
И белая радость крупных зубов, мгновенно-яркая;
и белизна свежая,
потому что весна яблоневой цветущей ветки.
На одно мгновение – вместе —
в чьём-то большом едином дыхании мы живем.
Распушились мягкие меховые иглы над этими черными
раскинутыми
бровями,
и вот я быстро вгляделась в насмешливый черный блеск
ресниц
и увидела выпуклые смуглые веки.
И сразу опустила глаза
и увидела взрослые чёрные туфли, закрытые, без
шнурков;
Зато у ворота вились лёгкие зеленые шнурки...
Зима и весна, живые,

за руки держатся,
прямо ко мне делают несколько шагов...
Яблоко лица,
ты послушай меня,
мне хочется медленными умиленными губами целовать
обе твои

щеки...

Мальчишеский кадык —
живая косточка под кожей тугой —
тонко и жестко.
Телесная сила и вытянутость —
мальчишески-учащённое биение сердца.
Черные брюки узко морщатся в подколенках —
длинные худые ноги подростка.
Сморщилась темнота шерстяного носка **и** видно светлую
щиколотку
волоски острые светятся...
Юноша и не видит меня, и не знает обо мне,
и не захочет знать.
И если его губы совсем раскроются и слово **произнесут**.
это будут не губы человеческие, а лишь одна страшная
звериная

пасть.

Но разве это всё значит, что я должна с закрытыми
глазами жить,
как будто без снов тяжело спать?
Нет, я раскрою свои глаза и стану солнечные лучи сама
прясть...
Ведь это, чтобы я что-то чувствовала,

чтобы вдруг сама себе нравилась.
Мне посылается, дарится Лазарь такой.
Незаметно, кем-то,
чтобы я проснулась и радовалась
В этом вагоне, от одной станции до другой...
Это какой-то чудный и необъятный Завет;
И понять его,
так же как и вдруг обняться,
мы не можем...
Двери уже закрылись,
и стало мое задыхание,
потому что пылиночный солнечно-детский свет
Мне одной виден секунду
над этим пустым сиденьем кожаным.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

БАБУШКА

Глава первая

НАД ВСЕЙ СТРАНОЙ

БЕЗОБЛАЧНОЕ НЕБО

Простой рассказ

*Посвящается ХаКа, эМИ, и замечательному Хи,
и, конечно, Маске*

– Дорогая, не уходи далеко из себя
это для тебя опасно.

Я намыливалась душистым зеленым мылом
Дилбер выливала на меня таз прохладной чистой воды
Баня светилась бликами мрамора
Мы вытирались

совали скомканные полотенца под мышки
На коричневой столешнице низкого столика уже
поставлены

чайные чашки
маринованный виноград, персики на блюде
Мы жили потому что сейчас потому что давно

когда еще было мало телефонов и все думали, что войны
не будет,

потому что ведь это невозможно:
сбрасывать бомбы на города!

Поэтому войны не будет,

так думали

И мы расселись на тугих красных подушках

моим большим ягодицам в больших трусах под
широкой полрой

платья было хорошо

на красной подушке тугого шелка

Вокруг столешницы кружилось дыхание

красноватой хны, крепких настоек из лепестков розы
и таких фиалковых мехлемов

Рахшанда-ханым внесла еще два толстых белых
чайника

на чёрно-цветочном лаковом подносе,

где круглились на черном лаке толстые розовые розы

Чай – как хорошо... Ах! как хорошо...

прохладная рубашка

прохладная ширина платья

волосы по спине

вытертые свежим полотенцем, выжатые
прохладные

не мокрые уже

Я была дома

Всё это был мой дом

Всё это была я

И я бежала из себя

И вокруг женское лицо каждое
лицо подруги
не впускало,
скрываясь яркими глазами
здоровьем круглотой щек
и улыбкой

А я подумала,
что если бы ЭМИ был такой же талантливый, как Лев
Толстой,

тогда
эта история о двух братьях
превратилась бы во что-то такое очень важное
общее человеческое
человеческое важное

Ну, не знаю как сказать!

– Есть такие страны, такие государства, – говорила Лейла-ханым, —

там люди, там женщины и мужчины вместе моются в бане.

И в тюрьму их надо сажать
отдельно мужчин от женщин!

И я так думала,
как Лейла-ханым

И Лейла-ханым немного подалась вперед
почти незаметно

Или просто ее лицо сделалось серьезным
а только что было почти смеющимся

Мое тело сделалось большим, полным
Я посмотрела на женщин,

такая же, как все они,
только внутри своего тела бегущая из себя
И в лице Рахшанды просвечивало очень смутно и потому
еще красивёе

лицо —
прекрасное яблоко, гранатовые губы
такие черные глаза,
сияющие в улыбке Александру
когда Македонец любовался
И из моей головы, из моего сознания почти ясные
выплеснулись

цветущие горы
нарядные узорные слоны, смуглые воины
Роксана!

Я бежала из себя,
как девочка в коротком платье —
коленки вперед, локти назад —
длинные ноги и руки, темная гривка волос
подпрыгивает на шее

Я бежала из себя
вперед
вперед

И вот тогда
моя любимая умная подруга Мариам-ханым
сказала мне:

– Дорогая, не уходи далеко из себя,
не уходи далеко из себя...

С прописной буквы разные Востоки
виденные, читанные, прожитые

перемешивались где-то в моей памяти
как разноцветные – в миске – белые и пестрые
фасолины

и выходили красивые нарядные
строками в стихи

Бабушка, мамина мама, распускала по спине
плотной и уютной в большом темном платье
белый в мелкую-мелкую крапинку головной платок
и завязывала маленький узелок под подбородком
Большие выпуклые стекла очков были главными на ее
круглом

сморщенном и светло -

смугловатом лице

– Бала́м – дитяtko, – произносила она мне
с интонациями такого жаления меня,
такого неизбывного смирения перед моей судьбой
Она говорила «Феня» —

она думала, что это такое всехнее производное от
«Фаина»

она не знала, что это такое русское просторечное
простое...

и не от «Фаина» – «сияющая», а от «Феодосия» –
«богоданная»

А меня «Фаина» зовут
И пять лет своих до ее смерти
я была Феней

из ее уст деревенской женщины из-под Казани
Мой Запад

окраинный, привязанный к одному из моих Востоков

поднимающий на балкон на веревке глиняный кувшин в
корзинке

МОЛОЧНИЦЫ

не чующий, не ощущающий решительно
никакой гражданской войны
никакой мировой войны
женским материнским телом в домашнем халате
А в кухне на дровяной плите тушится рыба в томатном
соусе

густо пахнет вкусно домашне
И прибегает вприпрыжку мальчик в коротких
штанишках на лямках

маленькая девочка в розовом платье,
белый бант в черных андалусских волосах

Если перебежать дорогу от нас

через несколько пустынь
караванами верблюдов

перебежать

и совсем близко

будут Альгамбра и Хенералифе

прямо близко фонтан

квартал

дома с балконами

уже это не наша балхана

этот балкон

Нет

В воскресенье после утренней мессы

твоя родня кофе воскресный пирог

Мать смотрела на тебя укорительно

Целых шесть дней недели ты в черных нарукавниках
объяснял,

отвечал из окошка банка на вопросы
клеил марки, стучал деревянными черными и
желтыми

колесиками на счетах

записывал подсчеты

В доме моих родителей я заводила руки тонкие назад
застегивала белый лифчик —

сжимал чашечками маленькие груди

Я обрушивала на свое тонкое тело

в голубой с кружевами комбинации
крепдешиновое платье зеленое светлое

с такими розовыми танцующими разводами

похожими на короткие ветки яблони с цветками

Я гладко причесывала каштановые темные волосы
и собирала в гладь прически с узлом на затылке

Это была я,

на самом деле

Ты

мой Мартиос

в белоснежной рубашке и черных наглаженных
брюках

приподнялся в новых коричневых туфлях на носки

постучал костяшками пальцев правой руки

в стекло моего окна

голова Рамона Наварро

Ты пришел с коробкой мятной карамели под мышкой
и однажды с книгой Марии Тересы Леон «Химена»

мне в подарок
– Марти! – громко и нежно говорила я
и уже раскрывала окно
тебе навстречу
– Марина! – ты говорил мне,
называя мое имя
Я шла рядом с тобой
в белых туфлях на босу ногу – без капроновых чулок —
на высоких каблуках
Мой Марти
ты мой жених
Я девушка
Прежде ко мне в гости приходил Андре́ с
он был моим женихом
После его смерти-гибели приходил Франческо
Алехандро Деметрио
И вот разные Запады перемешиваются, перемешиваются
перемещаются
они красивые
На площади от меня отбегали собаки
С деревьев парка спускались на мои пальцы пауки
Мотыльки
садились на мои волосы
я отгоняла их легким взмахом тонкой руки
Мы входили в кондитерскую на площади
и пили кофе и оранжад
Было жарко и вдруг налетали холодные ка́пельные дожди
и разлетались в холодном вдруг воздухе
Ветер с моря неся по улицам и плясал на площади

Ты поклялся окружить меня целым миром целительно
светлых

комнат и свежих садов

Я хотела делать конфеты

Я уваривала какао на водяной бане,
до густоты,

чтобы густой шоколадный сироп

Ты купил мне разные фигурные коробочки

маленькие-маленькие металлические чашечки

маленькие ситечки, ложечки —

всё, чтобы делать конфеты

Мне хотелось делать конфеты

Покупал апельсиновый сироп и толченый миндаль,
разные терки, ступки и пестики,
противни, розетки...

Большой серый мотылек прилипал плащом сложенных
крыльев

к сетке распахнутого окна

свет лампы превращал мотылька в четкий силуэт

Большая лампа под потолком празднично светила

из-под красно-желтого с бахромой круглого
матерчатого абажура

За окном на улице была черная ночь

Я играла на пианино

Вторгался гром громким звуком, звучанием природы
налетала гроза

Радостные мы пили крепкий апельсиновый ликер

На противне в кухне в мельхиоровых розетках белели
воздушно

Я зажгла свет в кухне

и рыжие мелкие тараканы стремительно разбегались по
стенам

и плиткам пола

Стоя ты пробовал белые конфеты

с горьковатой апельсиновой начинкой в шоколаде чуть
хрустящие

И тогда я попросила тебя разломить конфету

я просила срывающимся голосом,

потому что я знала...

Маленькое белесое без кожицы тело таракана слабо
светилось в горечи

апельсинового сиропа и шоколада

Маленькие крылья были смешаны с миндалем,

мелко-мелко истолченным в порошок...

Зачем я это сделала?

Я не знаю, я была должна

Никому... Непонятно...

Я стояла в дверях прямая, тонкая,

опустив тонкие руки вдоль тонкого тела в
крепдешиновом платье

Ветер сильно дергал подол

Хлынул дождь

Я уже не видела тебя

Струи дождя шумно закрыли всё

На подушках сидели женщины и я среди них

На улице на столбе серым цветком-колпаком висело
большое радио

Вдруг мы замолчали сидя на тугих красных подушках
Еще ничего не было, не начались еще звуки языка
громкие чужие звуки
но мы замерли

Громкий ясный слышный голос сказал:
– Над всей страной безоблачное небо!
И началась война.

Глава вторая

БЕЗУМНАЯ ЛЮБОВЬ

Я брел напрямик через поле,
Не стыдился, что грязен и бос.
В луше моей не было боли,
В глазах моих не было слёз.
Я сламывал тонкую ветку.
Ноги колола земля.
Семя роняли сверху
Отцветшие тополя...
Кто-то прежде работал здесь
(Пух тополиный бел),
Горячий, мокрый от пота весь,
Колосья срезая, пел.
А там, где женщины жали,
Я нахожу их следы:
Клочок сатиновой шали,
Заколку, остатки еды...
Зачем стыдиться, смущаться?
Элек¹ весь изорван мой.
Совсем не хочу возвращаться,
Не хочу возвращаться домой...

¹ Элек – тюркский жилет (*прим. автора*).

Крошки сухого творога²
Я подобрал на меже.
Всё, что мне было дорого,
Потеряно мной уже.
Я встал под зеленым деревом,
К стволу прижавшись плечом.
Не думал я о потерянном,
Не думал я ни о чём.
Вдруг вижу: свернув с дороги,
Бредет приречной тропой,
Ставя неловко ноги
В темной траве скупой...
Как же она, такая,
С комочком платка в горсти,
Воду смешно плеская,
Где глубже, хочет идти!..
Сминалась в пальцах тряпица,
Текла по лицу вода.
– Зачем ты пошла топиться? —
Спросил я ее тогда.
– Ведь ты же не веришь в Бога,
Не боишься попасть в тюрьму...
(К чему говорю так много?
Так мало сказал, к чему?)...
Какая твоя забота?..
Хотя бы заплачь в ответ!..
Тебя обижает кто-то?

² Сухой творог – сушеный творог – популярное в тюркском мире кушанье
(прим. автора).

Теперь не обидит, нет...
Ни конца не ждешь, ни начала.
Ни добра не ищешь, ни зла.
Чьей на мгновенье стала?
Чьей ты на миг была?
Ничего кроме хлеба не просишь.
Не обучена женской лжи.
Ты ребенка под сердцем носишь?
Не оставляю тебя. Скажи...
В листе тряпица повисла,
Белеет на ветке кривой.
В словах ее мало смысла..
– Нет... Нет... – мотнет головой.
А я не могу наглядеться
На поле, на мокрый луг.
Чему-то смеюсь, как в детстве,
Чему-то радуюсь вдруг...
Кулачками детскими сжатыми
Она уперлась мне в грудь.
Чувствую, как дрожат они,
Пальцев не разогнуть...
Собака вдоль берега рыщет,
Перебегает межу.
Тебе, слабоумной, нищей,
О жизни своей скажу...
Если б сама спросила,
Слова помогла связать...
Правду сказать нет силы.
Что же мне ей сказать?..

Всё отнятое поделено,
По чужим рукам разошлось.
Оплакал я всё, что потеряно,
И сердце мое зажглось.
И мне захотелось до смерти
Кому-то открыться теперь —
Как я люблю ее, Господи!..
Люблю после всех потерь...
Подол намокает в росах.
К ступням пристает зола.
Свет ночи в глазах раскосых.
Головка по-детски мала.
И волосы посечённые,
Не хотящие ровно лечь,
Такие прямые и черные,
Так спутанные у плеч...
Я помню, как дети, бывало,
Ее окружали, дразня.
Она меня признавала,
На помощь звала меня.
И я избавлялся от дрожи.
И было мне всё равно.
И меня они мучили тоже.
И знал я, что мы с ней — одно...
Язык от стыда немеет,
Словно в дни мальчишеских драк.
Она так слушать умеет!
Я не умею так...
Возьму ее за руки мокрые,

Прижму их к своей груди —
– Пойдем под чужими окнами...
– Любимый... со мной... пойдём...

Руками живыми моими
Ты создано, царство снов.
Так странно звучит мое имя
Среди других ее слов.
Застенчиво, глухо и сладко,
Так сладко оно звучит.
Вода чиста, без осадка,
Вода по камням журчит...
Руки по локоть мочишь,
Гладишь меня по плечу.
Ничего не ищешь, не хочешь.
И я ничего не хочу.
Встанем к чужим порогам
Под проливным дождём.
Станем бродить по дорогам.
Вместе, вместе пойдём.
За ворота за полночь выйду.
Из дома родного уйду.
Не дам я тебя в обиду,
Не навлеку беду...
Посмотрят на нас прохожие
И спросят снизу, с земли,
Зачем на них не похожи мы
И руки зачем сплели?
Ничего не ответим людям.
Не разнимем сплетенных рук.

Встречаться ни с кем не будем
И не узнаем разлук...
Что в жизни смысл имело?
Ногтями локоть скребу.
Она, губы сжав неумело,
Целует мой шрам на лбу.
Лучась добротой прилежной,
Мажет мне лоб слюной.
Играет с волной прибрежной,
Как будто с подружкой шальной.
Ладонью шлепает резко
И летят на меня
Брызги полные блеска,
Тонко-тонко звеня.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

МАМА

Глава первая

ВЫШИВКА

Ты сидишь на высокой железной кровати,
на пестром красном покрывале,
в голубом платье,
поджав ноги...

И вижу плотные маленькие ступни...

Ты выщипываешь пинцетом свои густые черные брови,
то чуть закидывая лицо сосредоточенно,
то опуская...

Твое лицо с глазами вытянутыми черными круглыми, с
такими бровями —

лицо причудливой неведомой страны...

Твое лицо — красивое, любимое,
не такое, как все другие лица...

Вышивка твоя — над кроватью,
на треснувшей побелке стены...

В прямоугольнике черном отсвечивающем —

сплетается из многих маленьких ниточных крестиков —
желто-красная птица...

И солнце за окном горит,
как золотой огонь...

И сердце напряженное, стесненное —
в моей груди...

И вижу...

я увидела...

летит к моим глазам

твоя такая раскрытая,

такая с чуть растопыренными пальцами,

твоя такая добрая ко мне ладонь...

Как будто бы ты говоришь:

«Не уходи...»

Глава вторая

ВОЙНА

Война далекая от Азии

Война мировая

Военный оркестр азиатской столицы нестройно играет

Прощание славянки

Азиатские длинные трубы – карнай

призывно-сильные

как во времена Тамерлана и Мухаммеда Тарагая
перебивают марш

Моя молодая мама подхватывает на руки

моего тогда еще маленького старшего брата

и бежит вслед за грузовиком,

который увозит на войну его отца

ее первого человека

ее восточного человека

Он никогда не вернется,

потому что его убьют на войне

Она бежит, молодая татарка

будущая учительница русского языка и литературы

Короткая стрижка черных волос

круглый завиток на виске

Растерянный взгляд черных светлых глаз

На руках пятилетний сын

крепко обнял ее за шею

уткнулся лицом в материно плечо
Она бежит вслед за этим грузовиком,
который увозит ее мужа
ее первого мужа
ее любимого
ее парня из татарской крестьянской семьи,
сосланной с Волги в далекую Среднюю Азию
в середине тридцатых годов новая конституция совсем
отменила

поражение в правах
он студент медицинского института
на берегу быстрой коричневой воды реки Салар
Еще недавно они ехали в большую степь
веселой студенческой компанией
на арбе, похожей на древнюю скифскую повозку
Они собирали в цветущей степи
красные и желтые тюльпаны
и впереди было лето
А теперь грузовик увозит ее молодого мужа на мировую
войну
И рядом с ним потомки давних ссыльных старообрядцев
отчаянно поют,
вспомнив старую припевку —
Стели мать постелюшку
Последнюю неделюшку
А через неделюшку
Постелют мне шинелюшку!..
От него осталась карточка,
присланная в треугольном письме,

проверенном военной цензурой,
карточка величиной с ладошку
тогда еще маленького его сына,
карточка молодого солдата Красной армии,
молодого красивого
с непокрытой головой, без пилотки,
и в гимнастерке
видимой очень смутно...

карточка с выцветшей от времени прошедшего
надписью на обороте
маленькими буквами
почти каллиграфическим почерком
чернильным карандашом:

«Родная!

Пусть эта фотография напомним тебе образ бойца,
который сражается за родину!»...

И еще остались тетради с конспектами лекций
написанными тоже чернильным карандашом
и с карандашными рисунками —
карикатами на преподавателей...

Этот солдат с фотографии
маленькой, с детскую ладошку,
он никогда не увидит, как его сын,
красивый, как будто итальянский киноактер,
празднует с друзьями в ресторане окончание
университета

Мой брат...

А я помню,
как он учил маленькую сестренку, меня,

танцевать Кукарачу под музыку черного круга,
который крутился на патефоне
Его черные, всегда начищенные
и почему-то очень юношеские туфли
били чечетку
Я поднимала высоко
прямые тонкие руки,
вертела кистями, кружилась,
и видела, как кружится розовая юбочка моего платья
И он смеялся своими строгими черными светлыми
глазами,
как наша мама умела смеяться...
Но он не любил моего отца,
второго мужа нашей матери.
Она три раза была замужем.
Так получилось.
Мой брат...
Его бритва «Матадор»
с маленьким разноцветным человечком на маленьком
ярко-желтом конвертике.
Его красивые длинные галстуки
один был темный бордовый
с золотыми искрами...
Его диссертация о посольстве Спафария-Милеску в
Китай
Строки его стихов —
«Над узорчатым Амоем зонт раскрылся золотой
Сны дворцов объял покой...»
И еще —

«Крикнуть миру Ave, Caesar,
morituri te salutant!»...

Всё это обрывками осталось в моей памяти.

А молодой солдат-татарин, его отец,
никогда обо всем этом не узнал.

И никогда не увидел,
как я, взрослая девушка, читаю письмо
о том, что мой старший брат,
которому только тридцать пять лет,
а мне двадцать,
покончил с собой,
и не могу поверить!..

Глава третья

ВРЕМЯ

...Однажды...

моя мама,
моя Восточная Красавица
бросает совсем вдруг
тоскливую жизнь азиатского двора,
где лепятся домишки с маленькими двориками
бросает родителей,
старых заботливых невеселых татар
бросает почти взрослого сына
и совсем маленькую меня
бросает насовсем моего отца,
жить с которым всё равно что жить с Франсуа Вийоном
в оригинале жесткой средневековой бумаги
на среднефранцузском схоластическом языке
и не переведенном ни на какие другие
ни на какие другие понятные языки
погружаться в непонятное средневековье
захлебываться
выплывать в сумрачный Париж Гюго и Бальзака
Но ведь это невозможно – всегда жить так,
всегда жить в их сумрачном городе
всегда внушать себе, что город этот существует,
что ты по нему идешь,

и что ничего больше не будет кроме этого внушения
себе,

мучительного

и ведь неправильного неестественного...

Нет, невозможно!..

И она срывается в Москву просто так,

она едет,

ее внезапно осеняет чувство риска

И город, реальный живой город,

по-настоящему существующий город

обновляет ее

овекает порывным летним ветром большой площади

Моя Восточная Красавица легко идет, молодая

золотая под солнцем внезапным

И ветер дергает красно-золотую оборку

шелкового нарядного платья

Город улыбается знакомыми восточными словами —

«арба», «кыта», «балаш»...

В переулках подымается русский модерн

сказочными большими игрушками

доходных домов и причудливых особняков

Самое начало двадцатого века откликается самой
середине

Скоро начнется совсем новое время

Прибегут глазастые вывески

частных зубных врачей и машинисток

Слово интеллигенция станет обозначать нечто

летающее прекрасное и ответственное

Инженерно-технические работники и научные

сотрудники

ощутят себя наследниками декабристов

Молодые либеральные учительницы поймут вдруг,
что они тургеневские девушки и героини Жанны Моро

Десятиклассницы и первокурсницы сделаются

хорошенькими и небрежными

распустят челочки из-под платочков

почти как Джин Шримптон

И Оттепель накроет огромную страну

И с крыш дождём сорвется капель

и льдины заскорузлые начнут вдруг таять

И все станут коллегами

все разделятся на физиков и лириков

чтобы в свободное от изобретения синхрофазотрона

время

петь про ежика с дырочкой в правом боку

и про цыганку-молдованку

Понедельник начнется в субботу

за миллиард лет до конца света

Иван Денисович проживет свой день на Матренином
острове

Автоматы с газированной водой железно заблестят

Елоу, елоу, елоу субмарина!.. – споют битлз

Все затанцуют нечто

похожее на рок-н-ролл

Мой будущий отчим встретил мою Восточную Красавицу

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава первая ЛОПАТКИ

Мне было уже девять лет

Я отошла к своему дивану в маминой московской
комнате

повернулась спиной

Отец сидел у стола

Посмотри какие у нее лопатки! – сказала мама

и в ее голосе перемешались отвращение и страдание

А! – сказал отец – перерастет...

Мама что-то еще ему сказала, какие-то слова...

Потом они кричали друг на друга.

Отец за мной приехал, потому что кончилось лето...

Отец...

Отчим много раз говорил маме, чтобы она забрала меня
у отца

Но она кричала, что он ничего не понимает, кидалась на
диван

ничком и плакала...

Саша! – говорил отчим – Саша!..

Мои дед и бабушка звали ее Сание

но в паспорте было написано Александра...
Он не понимал, что если бы она забрала меня у отца,
она отняла бы у отца всё на свете!..
Я обняла Димку, моего любимого младшего брата,
который молча смотрел на нас
Я протянула руки к маме, но она не обняла меня, а
сказала

Ну иди, иди. Не надо
телячьих нежностей...

Отец поднял баульчик с моими вещами и я пошла за
ним...
Однажды она держала меня на коленях и пела Самара-
городок...

Глава вторая

ДОЧЬ СВОЕГО ОТЦА

Экран большой – полотно – и широкий

Вечернее синее летнее небо Азии

Кино под открытым небом

Ты не обращаешь на меня внимания

А я вижу тебя

Я повернула голову на жесткой скамейке

покрашенной в голубой яркий цвет

Я вижу тебя

улыбку железных серых зубов

и опухшие и всегда покрасневшие

болезненно темные веки

глаза

взгляд озорного жестокого и смешливого мальчишки

из местечка Галиции самого начала двадцатого века

из гетто средних веков Парижа

«А-а хунке! – ... Сучка!..» —

«А-а!..» – с легким отчаянным придыханием

громко шепчешь ты на Марину Влади,

жеманно переступающую по каким-то дощечкам

Это язык идиш – диалект немецкого языка

«Хунке» – «сучка» от «hund» – «собака»

«hündin» – Сука

с таким отбрасываньем звука «д»

с прибавлением-прибеганием
на подмогу твоему жестокому озорству
маленького звука
такого легкого «к»

Сучка

Беловолосая девка на полотне экрана
Колдунья

И вот я вижу мечтательное восторженное жестокое
выражение

твоего лица

А я люблю индийские фильмы,
и теперь понимаю, почему.

Потому что они показывают правильную жизнь,
потому что они знают, что такое зло и что такое добро,
и что добро должно побеждать!

И потому что они поют и любят!

И это понимали все люди-зрители
под открытым вечерним небом,
на скамейках выкрашенных голубой краской...

И ведь есть и нелюбимые люди

Я – нелюбимые люди

... ищут любви к ним

добиваются

беснуются

вырывают у другого человека —

«Дай!»...

А можно смириться тихими слезами

Это все равно, что я нелюбимая!

Ты не умрешь в больнице

среди совсем чужих людей,
потому что я буду с тобой!
Где ты, мой отец?!
Я хочу увидеть твою улыбку,
запрокинутую голову,
черные прямые волосы,
высокий открытый лоб,
тонкие бледные губы
Я напишу еще одно стихотворение
И ты больше никогда не превратишься в мертвое тело
в мертвые кости, в мертвое тело
Никогда!
Потому что ты сидишь за столом
покрытым выцветшей клеенкой с темными серыми
проплешинами
и вдруг поднимал голову от «Войны и мира»
и вертел головой
и как мальчишка, вдруг отрешившийся от озорства
восклицал совсем по-детски:
– Где эти люди? Почему их нет?
Я очень сильно люблю тебя тогда.
И ты любишь меня.
Где эти люди? Почему их нет?
Мама!.. Мама!..
Мама, от нежной любви к тебе
слёзы на моих глазах,
потому что ты так красива,
потому что ты целуешь меня в щеку и твое ласковое лицо
пахнет нежно духами и пудрой,

потому что это так быстро – твой поцелуй, твои ласковые слова —

мне.

Слезы на моих глазах,

потому что я так боюсь потерять тебя,

потому что я так больно люблю тебя,

с такою моей болью, радостью,

счастьем мгновенным

Пока мои отец и мать были вместе

так недолго

мой отец раскрыл ей мир новых для нее книг

такие книги не проходили в учительском институте,

где она училась на отлично.

Мои отец и мать были вместе

он открыл ей французскую литературу —

своего любимого Вийона,

и Рабле, и Гюго, и Бальзака, и Мопассана,

и «Нескромные сокровища» Дидро,

и де Сада и Шадерло де Лакло...

И она выбрала себе,

чтобы перечитывать —

«Принцессу Клевскую» Мари-Мадлен де Лафайет

и «Страницу любви» Золя.

И повторяла, когда кто-нибудь говорил ерунду:

– Чего это вы пугаете, Панург!

И ее строгие глаза смеялись

Ей нравился Рабле

Мама и отчим возвращались из гостей поздно вечером

он в празднично белой рубашке с запонками на концах

рукавов
и она —

в нарядном летнем платье
веселая

они пили вино в гостях
и сейчас она то и дело смеялась легко
и говорила насмешливо своим певучим голосом
о доме, где они были:

— ...так чисто, что плюнуть на пол хочется!..

Она говорила своим певучим голосом

Он улыбался, любуясь ею

Я видела и понимала, что он ею любит.

Она не любила готовить обед и убирать комнаты,
делала это быстро и небрежно.

Это была коммунальная квартира

Общую кухню, коридор и всё остальное всегда
когда доходила очередь
приводил в порядок он.

Иногда утром она делала гренки
вкусные.

Еще я любила, когда она говорила насмешливо,
если случалась какая-нибудь не очень страшная
неприятность:

— Мало было шакалов в городе,
так еще одного привезли на корабле!..

Где она это прочитала или услышала,
или сама придумала,
я так и не узнала.

И далеко

давно
и не в Москве
9 мая, в праздник победы
вытаскивали в большой двор,
где лепились домишки с маленькими дворами
женщины и двое мужчин
вытаскивали большой стол
и женщины ставили водку в бутылках и стаканы,
вареную картошку и огурцы
Эти женщины были несчастные жертвы войны
одинокие вдовы и невесты погибших солдат
несчастные простые женщины
готовые терпеть побои, унижения
лишь бы рядом был муж
или сожитель
всё равно!
Всё равно!
Они отчаянно, криком пели:
– Пусть он землю бережет родную,
а любовь Катюша сбережет!..
И я знала, что война —
это еще и такое радостное счастье победы!
Счастье победы,
подымающее даже самых несчастных...
Хромой армянин Сурен в больших круглых очках
и мой отец, изнуренный туберкулезом еврей,
сидели с ними, выпивали и пели
с неизбывным произношением языков своего детства:
– Ты ждешь, Лизавета, от друга привета!..

Мужчины надевали свои награды
у них были медали
на темных пиджаках
вычищенных большой мокрой щеткой
свисающих с худых плечей

Мне хотелось потрогать медали отца
подержать на ладони,
но отец не позволял,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.